

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

Н. Верещагинъ

СОСТАВЛЕННЫЙ И ИЗДАВАННЫЙ

УЧЕНИКАМИ

В. И. ЛАМАНСКАГО

ПО СЛУЧАЮ

25-ЛѢТІЯ ЕГО УЧЕНОЙ И ПРОФЕССОРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1883.

СПИСОКЪ

ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ ВЪ СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И ИХЪ АВТОРОВЪ.

СТР.

Зигель, Ѳ. Ѳ. (магистръ исторіи славянскихъ законодательствъ, выпуска 1867 г.).	
Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ	99—118
Семеновичъ, А. Г. (докторъ философіи лейпцигскаго университета; въ С.-Петербург. унив. въ 1867 г.).	
Объ особенностяхъ утрорусскаго говора.	212—238
Будимловичъ, А. С. (докт. славянской филологіи, вып. 1868 г.).	
Иеронимъ Каванъинъ, полузабытый панславистъ начала XVIII в.	156—178
Анненновъ, Ю. С. (кандидатъ историко-филологическаго факультета, вып. 1871 г.).	
Мистръ Протѣва, «ювний» чешскій писатель XV вѣка.	119—126
Успенскій, Ѳ. И. (докт. всеобщ. истор. вып. 1871 г.).	
Значеніе византійской и южнославянской пропіи.	1— 32
Воскресенскій, Г. А. (маг. богосл., вып. 1874 г.).	
Валентинъ Водникъ. Очеркъ изъ исторіи словинской литературы	149—155
Брандтъ, Р. Ѳ. (маг. слав. фил., вып. 1875 г.).	
Объ аористѣ гнмъ.	469—474
Малининъ, В. Н. (маг. богосл., вып. 1875).	
Грамматика Іоанна, езарха болгарскаго.	179—195
Гротъ, К. Я. (маг. слав. фил., вып. 1876 г.).	
Новые труды по исторіи Венгріи.	57— 98
Соколовъ, И. И. (канд. историко-филологическаго факультета, вып. 1876 г.).	
Музачевская псалтырь XV вѣка.	449—464

Флоринскій, Т. Д. (маг. слав. фил., вып. 1876 г.).	
Къ вопросу о богомилахъ	33—40
Пташицкій, С. Л. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1877 г.).	
Новыя данныя для біографіи Николая Рея	127—148
Соколовъ, М. И. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1878 г.).	
Стихотворенія Яна Богто	402—420
Сырну, П. А. (магистрантъ слав. фил., вып. 1878 г.).	
Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ търновскаго патріарха Евемія	348—401
Анненскій, И. Ѳ. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1879 г.).	
Изъ наблюденій надъ языкомъ и поэзіей русскаго сѣвера	196—211
Регель, В. Э. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1879 г.).	
Учредительныя грамоты пражской епархіи	265—330
Пальмовъ, И. С. (маг. богосл., вып. 1880 г.).	
Памятники кирилло-меоодіевской старины въ Чехіи и Моравіи	41—56
Истоминъ, Ѳ. М. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1880 г.).	
По поводу тонической теоріи въ славянскомъ народномъ творествѣ	475—489
Князевъ, Г. М. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1880 г.).	
Мавръ Ветраничъ, дубровницкій поэтъ XVI столѣт.	421—449
Кракау, В. А. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1880 г.).	
Данническая и ленная зависимость восточн. окраинъ германской имперіи въ X и XI вв.	331—347
Петровъ, А. Л. (канд. историко-филологическ. факультета, вып. 1880 г.).	
Князь Константинъ Бодинъ. Очеркъ изъ исторіи Сербовъ XI в.	239—264

ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ ЯЗЫКОМЪ И ПОЭЗІЕЙ РУССКАГО СЪВѢРА.

Инокентія Анненскаго.

Мы намѣрены посвятить эти нѣсколько страницъ наблюденіямъ семасіологическимъ и лексическимъ въ сферѣ поэзіи русскаго сѣвера, насколько это возможно по имѣющимся печатнымъ матерьяламъ. Матерьяломъ въ данномъ случаѣ послужили сборники: Рыбникова, Гильфердинга и Барсова (2 тома «Причитаній Сѣв. кр.»). Мы ограничиваемся небольшою областью явленій тепла и холода, по скольку эти явленія отразились въ языкѣ и поэзіи русскаго сѣвера.

Источникомъ тепла и свѣта является солнце. Въ обстановкѣ народной поэзіи оно играетъ очень видную роль. Но намъ придется только вскользь говорить о солнцѣ, потому что народная фантазія метафоризируетъ его главнымъ образомъ какъ свѣтило. Самый эпитетъ «красное» указываетъ на блескъ, а не на тепло, положенное въ основу поэтическаго образа. Впрочемъ, если говорится о функціи солнца или его лучахъ, то обыкновенно указывается на ихъ теплоту: Пекётъ красно солнышко (Рыбник., I, 185); — не опекетъ (ibid., 256); Отъ маковки лучи пекутъ (ibid. 214); Отъ очей тыхъ отъ него быдто лучъ пекетъ* (Гильф., 511); Одно красно пекё солнышко (Барс., I, 71); Скрозь туманъ пекё красно солнышко (Б. I, 169); Красно солнышко меня не пропекает (Б., I, 85); Жалобно солнце выпекало (Б., I, 85). Иногда печетъ значитъ тоже, что свѣтитъ, какъ напр. въ случаѣ отмѣченномъ звѣздочкой или въ слѣдующемъ выраженіи у Гильфердинга: Сквозь воду увидѣлъ пекучисъ красно солнышко

(377). Кромѣ обыденнаго эпитета красно солнце имѣеть еще цѣлый рядъ эпитетовъ: тепло (Б., I, 194), тепло-красно (Б., I, 192), миженно (Б., I, 93), миженно-красно (Б., I, 190) тепловито (Б., I, 72), тепловито-красно (Б., I, 72). У Гильфердинга есть мѣста, гдѣ для солнца прибрано 4 эпитета: Закатилось сугрѣвное, меженное, тёплое, красное солнышко (Г., 580). Солнце, какъ источникъ тепла, является въ поэзіи и метафорически.

Ласка выражается посредствомъ обращенія тепло солнышко (Б., I, 190 и 194). Это примѣняется по большей части къ родственникамъ и близкимъ людямъ. Жаркіе лучи солнца сравниваются съ появленіемъ любимаго гостя. (Б., I, 246). Теплота солнца не чувствуется печальными, сиротами, обездоленными (Б., I, 69, 85), или оно печетъ этимъ бѣднякамъ жалобно, сквозь холодный туманъ (Б., I, 169). Сердце печальныхъ не согрѣвается, не утѣшается (Б., II, 115). Солнце, которое печетъ сквозь туманъ, олицетворяетъ собою печаль.

И во туманѣ пече красно теперь солнышко,

И во печали златокрылый ты ясенъ соколь (Б., II, 110).

Одно теплое солнце на небѣ олицетворяетъ собою одно желаніе въ сердцѣ (Б., I, 71).

Разница въ теплѣ между утреннимъ и позднимъ солнцемъ тоже метафоризируется въ народной поэзіи:

Съ утра солнышко не спекло,

Подъ вечеръ солнышко не огрѣ (Г., 1116),

(т. е. не приняла гостя, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала, — значитъ ужъ подъ конецъ его не учествовать.) О мѣсяцѣ говорится, что онъ печетъ, очевидно, въ смыслѣ свѣтитъ: Пекѣ мѣсяцъ то свѣтлешенько, да не тонь есте теплешенько (Б., I, 50).

Иногда солнце и мѣсяцъ сопоставляются въ различныхъ функціяхъ, Напр. у Гильфердинга:

Роспекло то севодни красно солнышко

Освѣтитъ то севодни младъ свѣтель мѣсяцъ.

Вмѣсто солнца иногда встрѣчается слово жаръ. Въ смыслѣ температурномъ мы находимъ это слово въ выраженіи: Личико жарамы зажарило (Г., 971), или жары непомерныи (Г., 214); но чаще въ смыслѣ чисто свѣтовомъ. Ср. слово жаръ-птица, или у Гильфердинга:

На верху шеломъ, какъ быдто жаръ горить (527), кровельки золоченыи какъ жаръ горятъ (ibid., 530).

Лѣто въ поэзіи называется теплымъ, (Б., I, 69), краснымъ или тепло-краснымъ (203). Замѣтимъ также выраженіе слѣтна сторона (Г., 1118) = югъ.

Огонь, пламень, искра фигурируютъ въ народной поэзіи и главнымъ образомъ по своей функціи. Огонь имѣетъ эпитетомъ слово плящій (Б. II, 229, 247; тотъ же эпитетъ примѣняется къ молніи и морозу). Искра называется плящею, трескучею (Б., II, 247), уютышною (Г., 473). Глаголы, прилагаемые къ слову огонь, — это горѣть, жгать (жечь), сѣчетъ (Ср. Г., 30, 473, 531). При описаніи пожаровъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: огнемъ горить (Г., 531), огню придали (Г., 208); съ конца его зажгу, головней покачу (Г., 229); на дымъ спущу (Р. 66). Изображенія огня мы находимъ въ былинахъ, между прочимъ: при описаніи рѣки Пучай (Г., 30), при описаніи чудснаго богатырскаго коня (Г., 1081), при описаніи того, какъ Марина жжетъ Добрынины слѣды (см. ниже). Дѣйствіе огня на человѣка иногда представляется образно:

И съ огня съ пламяни буйна голова рострескалась.

И дымомъ съѣло-то побѣдны наши очушки (Б., II, 222).

Огонь иногда представляется, какъ нѣчто страшное, угрожающее:

И не огонь иду, горюшица, не обпалу

И не змѣя иду, побѣдна, я не оклюну (Б., II, 27; I, 53).

Горѣніе огня, которое можно наблюдать и чувствовать извнѣ, не получило однако въ народной поэзіи такой обширной области изображенія, какъ тотъ невидимый внутренній огонь, про который въ причтаніи говорится:

Безъ огня мое сердечко разгоряется,

Безъ смолы моя утроба роскипляется (Б., II, 3).

Наружный огонь часто смѣшивается съ свѣтомъ, какъ мы видѣли выше, и какъ можемъ видѣть еще въ словѣ свѣща. Умиращаго часто сравниваютъ съ гаснущей свѣчой (или падающей звѣздой — Б., II, 18, 28). Этой свѣчѣ придаются эпитеты: милая, нетопленая, мѣстная (Ср. Р., 394; Г., 981). Вѣроятно въ народной фантазіи играетъ роль не только свѣтъ, но и нѣкоторая теплота горячей свѣчи, эмблема

жизненности. Но въ выраженіи: «Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя» (Г., 1099) очевидно представляется только свѣтъ. Изъ несвѣтящихся, но очень горячихъ предметовъ въ народной поэзіи нерѣдко встрѣчается смола. Богатырь Дунай мочить въ кипящую смолу плетку, чтобы наказать Настасью Микуличну (Р., 185). Но чаще кипящая смола аллегорически изображаетъ душевное страданіе (Б., I, 44, 64; II, 110). При этомъ иногда смола называется горькой (Б., II, 229) или лютой (Б., II, 177). Оба эпитета употребляются лирически, съ пессимистическимъ характеромъ.

Разсмотримъ теперь поэтическія выраженія того внутренняго пламени, которое въ народной фантазіи пожираетъ то сердце, то утробу, то жилы, то кровь человѣка и характеризуетъ нѣсколько разнородныхъ душевныхъ движеній и состояній.

Огонь символизируетъ сильное желаніе, страсть, похоть: Есть ли охота, горить-ли душа со мной дѣвицей позабавиться (Р. 64), говоритъ одна изъ былинныхъ прелестницъ. Горите вы, слѣдочки Добрынины. Гори-тко во Добрынюшкѣ по мнѣ душа (Гф. 26, 1089), говоритъ другая. Катерина, обращаясь къ Чурилѣ, и Настасья, обращаясь къ Ивану Годиновичу, говорятъ, что у нихъ сердце розгорѣлось (Гор. 1268, 1203). Едва ли не позднѣйшимъ надо считать слѣдующее выраженіе въ одномъ изъ былинныхъ вариантовъ:

Ужъ вы, нойте, нойте, слѣдочки вы Добрынины,
Чтобы ныло у нево да ретиво сердце (Г. 1327)

Желаніе чего нибудь съѣстнаго, возбужденіе аппетита тоже можетъ изображаться горѣніемъ. За первымъ колачикомъ или за первой чарочкой по второй душа горить (Г., 525, 826; Р., 282, 287). Рѣже говорится просто: Да цару пьешь, другая хочется, да безъ третьей и минутъ нельзя (Г., 1075). Ср. также выраженіе—упальчивый до вина (Г., 814). Интересно, что самое дѣйствіе выпитой чаши есть заливающее, укрощающее внутренній пожаръ: Окати свое ретивое сердечушко, говорятъ богатырю, предлагая ему вина; Облей, обкати свое ретливое сердечушко (Р. 471). Иногда и обыкновенное, болѣе отвлеченное желаніе выражается метафорически подобнымъ же образомъ, напр. у Василя Буслаевича богатырское сердце пожадѣлося и разгорѣлося ѣхать въ Іерусалимъ (Р., 361) или

Владиміръ спрашиваетъ богатыря: горитъ ли у него душа вмѣстѣ съ княземъ попариться (Р., 247).

Процессъ горѣнія символизируетъ также приливъ силы, удали. Напр. богатырь встрѣтилъ препятствія.

Разгорѣлось ёго сердце богатырское
Скочилъ онъ черезъ гору каменну (Г., 294—295).
Разгорѣлось его сердце богатырское
Раскипѣлась его мысль молодецкая (Г., 362).

Богатырь ѣдетъ въ догонку за врагомъ:—

Молодецко сердце разгорѣлоси
Ай и пробовать силы захотѣлоси (Г., 898).

Иногда вмѣсто разгорѣлось въ томъ-же смыслѣ говорятъ расходилось, розретилося.

Приливъ силы и удали, доходящій до полного увлеченія выражается въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ слѣдующимъ образомъ:

Расходились мои плечушка могучи
Разгорѣлось то сердечушко ретивое,
Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился (Г., 596).

Горячность съ приливомъ силы и удали особенно разыгрывается въ бою: при видѣ татарской силы у богатырей сердца разгорѣлись и жилы расходились (Г., 659).

Отъ того отъ пару татарскаго
Разгорѣлось сердце богатырское (Р., 104).

Иногда чувство горячности приобрѣтаетъ въ изображеніи новый спеціальный оттѣнокъ.

Когда Илья выпилъ волшебную чашу и почувствовалъ приливъ силы, у него

Богатырско его сердце разгорѣлося
Его бѣлое тѣло распотѣлося (Р., 34)

или

Разъярилось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая (Р., 79).

Впрочемъ, разъярилось значитъ обыкновенно разсердилось; напр. у Василья Буслаева при далеко не любезномъ объясненіи съ крестовымъ батюшкой

Богатырское сердце разъярило ся (Р., 349).

Выраженіе же распотѣлось употребляется при описаніи усталости послѣ подвига, когда богатырь чувствуетъ необходимость освѣжиться. Напр. когда Добрыня потопталъ поганыхъ зміенышей, повыручилъ полоновъ русскіихъ,

Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося и распотѣлося (Р., 123).

Торопливость и забывчивость выражаются въ народной поэзіи, какъ слѣдствія разгоряченнаго состоянія человѣка. Напр. Василій Буслаевъ въ торопяхъ — въ озарности чуть не убилъ мать (Г. 292). Вспомнимъ также:

Онъ скорешенько бѣжить во широкій дворъ
Во тоя великой во горячности (Р., 160).
Со тоя онъ великія горячности
Просмотрѣлъ ступень шашечный.

Но самое обыкновенное проявленіе душевной горячности, которая изображается въ видѣ горѣнія, — это аффектъ гнѣва

Разгорѣлося сердце царское (Р., 451).
Кровь то въ немъ роспылалася,
Сердце его розгорѣлоси
За эту родительску обидушку (Г., 519).

Ермакъ сердится: Розгорѣлось сердце богатырское (Г., 602).

Владиміръ сердится: Розгорѣлось ретиво сердце,
Роскипѣлась кровь горячая (Г., 1322).

Грозный сердится: Будто сине море всколыбалосе,
Богатырско сердце розгорѣлосе (Г., 1145).

Аффектъ гнѣва выражается и другими глаголами: расходиться (Г., 728), розсердиться (Г., 620) розретивиться (Г., 929), роззодориться (Г., 234), озвѣриться (Г., 956). Разсерженный человѣкъ называется розгнѣванный, роздраженный (Г., 234). Аффектъ гнѣва, по народнымъ представленіямъ, сопровождается приливомъ силъ и энергіи: плечи и руки расходятся. Но духовныя способности притупляются. Богатырь не разсчитываетъ, не соразмѣряетъ силъ. Василій Буслаевъ признается:

Росходились мои плечушки могучіи,
Розгорѣлось-то сердечушко ретивое,
Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился (Г., 596).

Народная мудрость предупреждает увлекшагося богатыря: погнешь по напрасному; сорвешься надорвешься (Г., 559). Помутившееся око характеризуетъ состояніе гнѣва, даже когда онъ не переходитъ непосредственно въ дѣйствіе. Ср. для примѣра изображеніе Ивана Грознаго, когда онъ узнаетъ объ измѣнѣ, — онъ сердится на пушкарей или на нарядную одежду Никиты Романовича (Г., 105 bis, 109). Не только аффектъ гнѣва, но и любовная страсть (изображаемая въ видѣ внутренняго огня) сопровождается подобнымъ-же притупленіемъ духовныхъ способностей:

Помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ,
Да помутились у меня да очи ясные (Г., 1064),

говорить одна изъ былинныхъ прелестницъ.

Говоря объ изображеніи гнѣва, не можемъ пройти молчаніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ изображается напавшія на человѣка, въ минуту расправы, колебаніе и нерѣшительность: —

Права ручушка въ плечи да остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да ѿ помутился свѣтъ (Г., 465).

Око помутилось, рука застоялася, сердце приудрогнуло у богатыря, задумавшагося надъ рѣшительнымъ ударомъ. (Ср. изобр. у Г., 231, 232, 244; у Р., 70, 701 Г.)

Прекращеніе гнѣва изображается глаголами: прекратить, укротить, укрѣпить, утишить (сердце или мысли)—Г., 611, 772, 596, 955;—

Не укрятяешь плеча могучаго,
Не утѣшишь (т. е. не удовлетворишь, не насытишь) сердца
молодцаго.

Укротить сердце обозначаетъ обыкновенно перестать проявлять гнѣвъ, перестать драться (Г., 293, 535).

Аффектъ гнѣва—отсюда свирѣпость, приливъ силы—отсюда необычайный размахъ, сила движеній;—эти явленія народная фантазія символизируетъ процессомъ горѣнія не только въ мірѣ людей.

Напомню два былинныхъ образа, которые, кажется, не остались безъ вліянія со стороны изображенія человѣческой души. Это—во первыхъ, рѣка Пучай, свирѣпая, гдѣ струйка, какъ огонь, сбѣчетъ; во вторыхъ,—чудный конь, у котораго

Изъ ноздрей то искры сыплются,
Изъ ушей то дымъ столбомъ стоять (Р., 75),
Изъ рта у добра коня пламя маше (Г., 108!)

и про котораго говорится, что

Скокѣ-ты онъ скаче по цѣлой версты (Г., 1081).

Но пламя, сжигающее внутренняго человѣка, изображаетъ не только страстныя желанія и аффектъ гнѣва; всевозможныя проявленія грусти, — отъ тихой печали до жгучей скорби, — рисуются подобнымъ же образомъ.

Вспомнимъ слова: горе, печаль; эпитеты слезъ: горькія и горючія; слова: горюша, горюшица, горепашаца; выраженія: горькая сирота, горе — горькая сирота.

Тоска — состояніе продолжительной скорби, обыкновенно называемой неугасимой (Б., I, 18). Зла несносная, тоска неугасимая (Б., I, 39); Зладѣтинная тоска неугасимая (Б., II, 4, 99).

Видѣсто прекратить тоску говорится: угасить тоску (Б., II, 135). Народная поэзія отлично изображаетъ начало и затѣмъ усиленіе скорби: —

И быдто вѣшная вода да разливается,
И такъ тоска у мня побѣдной разгоряется (Б., II, 159).
Побѣдное сердечко разгорѣлося
И такъ обидушка съ досадою расходилася (Б., II, 23).
Уже такъ мое сердечко разгоряется
И зла великая кручина расходилася
И на сердечушкѣ тоска да распалилася (Б., II, 44)
И у бладенчиковъ утроба разжигается (отъ грусти, что
отца берутъ въ солдаты).

Отмѣтимъ два обыкновеннѣйшихъ способа изображенія жгучей печали:

1) Способъ положительнаго сравненія:

Какъ огнемъ горить ретливое сердечушко,
Какъ смолой кипить безсчастная утробушка (Б., II, 118).

2) Способъ отрицательнаго сравненія.

..безъ огня. .сердечко разгоряется

И безъ лютой смолы да роскипляется (Б., II, 177, 3, 110).

Вотъ полное картинное описаніе жгучей тоски-печали:

И какъ што діется въ моемъ да ретливомъ сердчѣ,
 И на безсчастной на матерной утробушкѣ.
 И будто лютая змія да тамъ свивается,
 И въ родѣ плящія огни да разгоряются,
 И быдто горькая смола да роскипляется (Б., II, 229).

О прекращеніи печали, какъ о прекращеніи гнѣва, говорится: уходитья, утѣшиться (Б., II, 115).

Истрадавшійся человекъ изображается такъ:

Вся утробушка моя да перержавѣла (Б., II, 41; ср. у Рыбникова: сердце соржавѣло значитъ старость пришла).

Сердце, нечувствительное къ печали и состраданію, называется плотно-каменнымъ (Б., II, 43).

Явленія теплоты занимаютъ въ народной поэзіи меньше мѣста, чѣмъ явленія огня и сгаранія. Припомнимъ теплое солнце и теплое лѣто. Къ теплотѣ отношеніе чисто оптимистическое. Пріятное, близкое, ласковое зовется теплымъ. Сестра называетъ братьевъ—теплы солнышки (Б. I, 194). Эпитетъ теплый прилагается къ бавѣ Б., I, 82; теплопарный), печкѣ (Б., I, 113), гнѣзду (Б., I, 7, 227, 265), къ пазухѣ (отсюда къ человекѣ):—Не убоюсь выду—тепла моя пазушка (Б., I, 103),—и къ ласкательному слову: сугревушка (Б., I, 168).

Гнѣздо это метафора родного дома; оно называется: тепло, тепловито, тепло-вито, вито-тепло и употребляется обыкновенно въ лирической формѣ.

Притеплить значитъ не только согрѣть, но отчасти утѣшить, успокоить. Вотъ, напр., какъ изображается грусть дочери по умершей матери:

(Солнце уже не грѣетъ сироту)
 Лишь притеплить меня бѣднушку
 Зеленая дубравушка
 На могилѣ моей матушки (Б. I, 169).

Слово сугревушка (только въ лирической формѣ) чрезвычайно характерно (Ср. сугрѣвать—сугрѣвна шубенка (Б., II, 64). Кромѣ эпитета теплая, при этомъ ласкательномъ словѣ стоитъ еще эпитетъ сердешная (Б., I, 226).

Перейдемъ къ явленіямъ холода. Метафоризаціи холода ограниченнѣе.

Зима, сѣверный вѣтеръ, страданія отъ холода зачастую фигурируютъ въ сѣверной поэзіи. Но кругъ душевныхъ явленій, характеризующихъ холодомъ, очень не великъ и метафоры холода, въ противоположность метафорамъ тепла, отличаются чисто пессимистическимъ характеромъ.

Разсмотримъ слова для названія холода и сопряженныхъ съ нимъ явленій.

Зима имѣетъ эпитеты холодной и студеной (Б., I, 21, 203, 155; Б., II, 18):

Называются студеной холодной зимой (Б., I, 95). Иногда зима называется просто холодной (Б., I, 69) или просто студеной. Безъ эпитета слово встрѣчается рѣдко (Ср. Гильф., 984). Часто эпитетамъ не придается никакого характернаго значенія:

Приобъемимъ по студеной холодной зимѣ (Б., I, 107).

Зима называется и лирическимъ именемъ зимушка (Б. I, 74, 69, 155). Видоизмѣняются въ такую же форму въ этой области способны слова: вѣтеръ, морозъ, снѣгъ въ противоположность словамъ: буря, сиверъ, стужа. Было бы ошибкою приписывать этимъ лирическимъ формамъ ласкательный или уменьшительный смыслъ. Вѣрнѣе, что это просто признаки болѣе частаго употребленія словъ въ поэзіи, либо признакъ изображенія предмета или явленія въ сферѣ его непосредственнаго вліянія на жизнь человѣка.

Замѣтимъ мимоходомъ отсутствіе лирической формы для слова мѣсяцъ.

Слово: зимній или зимный (въ краткой формѣ зимну) съ отгѣнкомъ холодный прилагается къ словамъ: ночь (Б., I, 185) и погода:

Ужъ какъ это чужое зло подворьице,

Быдто зимнее холоднее погодыице (Б., I, 227).

Въ смыслѣ чисто обстоятельственномъ оно прилагается къ слову извощикъ (Б., I, 203).

Изображеніе зимы въ народной поэзіи связано съ изображеніемъ человѣческихъ страданій отъ холода:—

Студеной зимой вы ю да не звобите-тка (Б., I, 222).

Называются студеной холодной зимой (Б., I, 95).

Въ одномъ причитаніи рисуется цѣлая картина страданій маленькихъ сиротъ отъ зимняго холода (Б., I, 155):

Вы студеной этой зимушкой согрѣйте-тко!

Эта просьба равносильна нашему не оставьте, не забудьте.

Но зима является, такъ сказать, только обстановкой страданій.

Причиною зимы въ былинѣ является морозъ:

Началася зима отъ мороза (Г., 330).

Морозъ играетъ роль активную. Онъ ударяетъ, щелкаетъ, заставляетъ трескаться:

Въ родѣ травоньку морозомъ приударило (Б., I, 190).

Морозомъ прищелне ручки бѣлыя (Б., I, 155).

Отъ морозу трескаетъ сердце или утроба, по выраженіямъ народной поэзіи (Б., I, 69; II, 38, 120):

И отъ морозушку сердечко порастрескаетъ (Б., II, 76).

И отъ морозушку утроба бы не трескала (Б., II, 120).

Это тотъ холодъ, про который мы говоримъ, что онъ пробираетъ, донимаетъ человѣка.

Обратимъ вниманіе на выраженія:

Безъ морозу сердце вызябло (Б., I, 55).

Отъ связку то забуть рѣзвы у ихъ ноженки,

И отъ оружица безсчастны ручки бѣлыя

И отъ морозушку сердечко перетрескаетъ (Б., II, 38).

Вспомнимъ при этомъ, что въ народной поэзіи солнце отогрѣваетъ именно сердце человѣка; подъ его лучами оттаиваетъ безсчастливая утробушка (Обогрѣйте у безсчастливыхъ ретливо сердце. — Б., II, 127). Въѣсто отвлеченныхъ выраженій: ему холодно, онъ согрѣлся, народная фантазія представляетъ подверженнымъ дѣйствию предполагаемый ею центръ чувствующаго человѣка.

Морозъ, какъ было сказано раньше, имѣетъ въ языкѣ народной поэзіи и лирическое названіе. Его эпитеты: плящій (обыкновенный эпитетъ огня — Б., I, 246; II, 229, 247), студеный (II, 74, 201), крещенскій (Б., II, 37), неудобный (Б., II, 201).

Нужно отмѣтить и производное слово морозница:

Припечаливши хоромное строеньице

По вону стоитъ горница

По нутру стоитъ морозница (Б., I, 167).

Слово мерзлый употребляется въ смыслѣ мертвый:

Прибила Татарина тутъ мертваго,

Мертваго она мерзлаго (Р., 234).

Возьмите поганаго татарина,

Хоть мертваго его мерзлаго (Р., 455).

О выраженіи холоднее погодыице было уже упомянуто. Съ нимъ сравнивается въ народной поэзіи чужой домъ; родной домъ изображается въ видѣ теплаго гнѣзда.

Слово стужа встрѣчается довольно рѣдко. Употребительнѣе уже упомянутое прилагательное студеныи и однокоренныя: студить, остуда, остудней, остудникъ, простудить, стыдъ, стыдитель, простыть, постылый. Они имѣютъ значеніе прямое и метафорическое.

Въ прямомъ смыслѣ стужей называется холодная пора. — Стужа со морозами крещенскими (Б., II, 37) или просто холодъ. — Велику себи стужу принимаетъ (Г., 330). Слова студить, простудить, застудить употребляются въ прямомъ смыслѣ. Застудить имѣетъ отгѣнокъ непріятный; простудить, наоборотъ, значить освѣжить.

Сирота жалуется, что «ее застудила холодна вода» (Б., II, 159). Добрыня, собираясь купаться, хочетъ «простудить тѣло нѣжное» (Г., 340).

Остуда значить непріятность и врагъ (См. Словарь Барсова):

Ублуждала ей буйную головушку

Хоть остуду отъ семьи я принимала (Б., I, 129).

Остудушки въ семьѣ не возводила (Б., I, 82).

Намъ не по уму остуда — чужа сторона (Б., I, 84).

Остудушки въ семьѣ не заводили бы (Б., I, 43).

Остудней передается словомъ постылый.

Напр. женихъ не по сердцу. — Остудней бладь-отецъской сынъ (Б., I, 84). Въмѣсто остудней употребляется слово остудникъ (Б., I, 273).

Слова — стыдъ, стыдить (стыдитель) употребляются въ значеніи близкомъ къ литературному, но только въ болѣе ограниченномъ объемѣ. Иногда они характеризуютъ дѣйствія, оскорбительныя для женской чести:

Везъ меня не пристыдилъ (Г., 296),
говорить дѣвица про богатыря.

Какъ мужніимъ женамъ не стыдитель былъ (Б., II, 28),
говорится въ похвалу покойнику.

(Съ другимъ отгѣнкомъ—Р., 324; Г., 252; Б., I, 199. Съ отгѣн-
комъ близкимъ къ бранить—Б., I, 216)..Вмѣсто постылый встрѣ-
чается слово пустылый:

И пустылая родима каже родинка (Б., II, 25).

Тутъ очевидно вліяніе народной этимологii.

Простыть (на ножичкѣ) — это выраженіе употреблено въ были-
нахъ однажды въ смыслѣ умереть, быть убитымъ (Сравни другое,
болѣе обыкновенное образное выраженіе съ тѣмъ же смысломъ —
облиться своею кровью).

Застынуть употреблено неопредѣленно, то-ли въ смыслѣ замерз-
нуть, то-ли въ смыслѣ умереть:

Аль застынулъ онъ на широкой на улчкѣ? (Б., I, 275).

Призастынуть употребляется въ переносномъ смыслѣ:

Призастынуло побѣдно ретливо сердце (Б., II, 240).

Здѣсь изображается тупое отчаяніе.

Весьма близко къ слову студитъ въ прямомъ и переносномъ
смыслѣ подходитъ слово знобить (стыть—зябнуть):

Студеной зимой вы ю да не знобите-тко! (Б., I, 222).

Въ переносномъ смыслѣ знобить значить доставлять непріятное
ощущеніе. Мать на распросы дѣтей объ отцѣ говорить:

И лучше дѣтушки не говорили-бы

И сердечушко мое да не знобили-бы (Б., II, 182).

Зазноба (обыкновенно въ лирической формѣ: зазнобушка) зна-
чить горе или точнѣе чувство, вызываемое обидой или отчужде-
ніемъ.

Сирота говорить:

Отъ плѣмнать не велика приберегушка,

Только на сердцѣ великая зазнобушка (Б., I, 113).

Или въ сердцѣ является обидушка, въ утробѣ зазнобушка (Б.,
I, 199). Озноба употребляется въ томъ же смыслѣ и въ той-же
формѣ:

Не по лѣтушкамъ великая ознобушка (Б., II, 69).

Ознобный = остудный, впрочемъ съ болѣе пессимистическимъ характеромъ. (Ср. По чужой-то дальней ознобной сторонущкѣ. — Б., I, 269).

Субъективныя выраженія суть: зябнуть, зяблый, подзяблый, позяблый, холодный (терпящій холодъ Б., I, 2), холоднуть. Въ прямомъ смыслѣ зябнуть говорится обыкновенно про лице, руки, ноги (Б., II, 38, 76).

Интереснѣе переносное значеніе: сирота называется — позяблая обиднушка (Б., I, 109), неубрано позябло дитятко, позяблая сѣмянничка (Б., I, 71). Позяблою (Б., I, 85) называется бѣдная мать, которая схоронила дочь (Б., I, 114); бѣдный молодой рекрутъ сравнивается съ подзяблою изюмной ягодиночкой (Б., II, 56) и подсохлой (отъ холоду?) сахарной деревиночкой (*ibid.*). Но самое обыкновенное выраженіе тупого страданія—это (по)зяблая утробушка (Б., I, 159, 169; II, 4, 115, 117, 127). Часто сюда прибавляется слово безсчастная (Б., II, 127, 135, 139). Подходить сюда же по значенію рѣдко встрѣчающееся выраженіе унылая утробушка (Б., II, 6).

Въ страданіяхъ, изображаемыхъ метафорами холода, нѣтъ того жгучаго, сердитаго, мстящаго характера, который обыкновенно отмѣчается метафорами горѣнія; они выражаютъ пассивное, подавленное состояніе души. Это состояніе особенно хорошо характеризуется въ стихахъ: Обмирала моя зяблая утробушка (Б., I, 159), Умирать буде заблая утробушка (Б., I, 169; ср. также Б., I, 249). Является оно или при отчаяніи по поводу смерти (Б., I, 249), или слѣдствіемъ страха и мрачныхъ предчувствій (Б., I, 275).

Холодный, какъ мы уже сказали, въ субъективномъ смыслѣ означаетъ терпящій холодъ (Б., I, 2):

На сине море иди да ты холодная,
Во чисто поле иди да ты голодная (Б., I, 267).

Сопоставленіе холода и голода, можетъ быть, отчасти обусловленное созвучіемъ,—явленіе весьма постоянное (Б., I, 167. Ср. также Г., 99). Холоднѣшенько употребляется въ смыслѣ трудно, тяжело, непріютно:

Вѣтры віють потихошеньку,
Авѣ приходитъ холоднешенько
Сиротинкамъ краснымъ дѣвушкамъ (Б., I, 72).

Интересно сравненіе непріятной, чуждой для уха клички «вдова» съ холодной водой:

Какъ несчастней вдовой называютъ,
Бывъ холодное водой поливаютъ (Б. I, 39).

Холодный сѣверный вѣтеръ называется сиверомъ или витромъ (ѣ) сиверомъ. Его эпитеты сильной, свирѣпый (Б., I, 262). Расходившійся сиверъ сравнивается съ горемъ, которое расходится по сердцу у сироты:

Не отъ сивера волна расшумѣлася:
Такъ тоскуе сирота горегорькая (Б., I, 98).

Тоскующая дочь думаетъ, что ея покойная мать оставила на землѣ свое желаніе въ витрѣ сиверѣ (Б., I, 63). Свирѣпость и сила сивера вызываютъ на сравненіе его съ мачихой:

Каково тепло отъ буйнаго отъ сивера
Таково добро отъ лихой живе мачихи (Б., I, 85).

Снѣгъ рисуется въ народной поэзіи довольно часто. Народъ зоветъ его «перистымъ снѣжкомъ», и его изображеніе не имѣетъ пессимистическаго характера. Припомнимъ поэтическую картину утренней прогулки Чурилы. Тающій снѣгъ метафорически изображаетъ смерть (умираетъ дѣвушка):

Какъ снѣжечки быдто таютъ кругомъ-на-околѣ огней (Б. I, 116).

Слово прохладный употребляется въ смыслѣ пріятный. Слабая степень холода кажется пріятною, какъ и тепло—слабая степень жара. Особенно часто примѣняется прилагательное прохладный къ слову жирушка (т. е. жизнь), въ противоположность: маетной, бобыльской, сколотной. Отмѣтимъ также прохлаждалися (прокладжались?) въ смыслѣ отдыхали (Б. I, 211). Близко по значенію подходит кладбище, прокладбище (— гульбище). У Гильфердинга прохлаждаться рѣже, чѣмъ прокладжаться (x — 126; κ — 208, 233, 291). Если первоначальной слѣдуетъ считать форму съ κ , то

нельзя ли принять, что слово хладъ, прохлада въ народномъ сознаниіи повліяли семасіологически на данную группу словъ и придали ей оттѣнокъ своего смысла.

С.-Петербургъ. Февраль 1833.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
133	84 и 89 св.	patre	pater
141	17 »	castelhana	castellana
—	19 »	uratrznego	oratrznego
150	4 св.	1881	1811
153	12 св.	Prejeme	Prejemi
—	15 »	Габсбургскій	Габсбургскій
154	1 »	koni	konj
159	8 »	о бѣдномъ	а бѣдномъ
160	8 »	о славныхъ	далье говорится о славныхъ
161	10 »	vekruh	ve kruh
162	8 св.	Славяно-	Славяне-
163	9 св.	gadi	godi
166	11 »	та	ima
167	17 св.	теге	тоге
174	9 св.	выразилась	выразилось
177	25 св.	прочимъ	прочимъ—
179	7 св.	въ исторіи славянскаго языка-	въ исторіи древняго славянскаго
		знанія	языкознанія
187	13 св.	мѣстностей	мѣстностей,
189	5 »	обрусеніе,	обрусѣніе,
—	9 »	могла	могла бы
192	7 св.	гоугоубъ	соугубъ
193	7 св.	ими	ими
194	7 св.	другихъ	другихъ,
195	1 »	можетъ быть,	можетъ быть
197	4 св.	мѣста	мѣсто
199	20 »	Гор.	Гѣ.
206	4 »	не забудьте.	не забудьте!
207	24 »	ублаждала	ублаждала
210	6 »	несчастней	несчастной
—	—	холодное	холодной
211	7 »	смысла.	смысла?
215	2 св.	орѣхи	орѣхи
216	17 св.	«Росправы»	«Росправѣ»
228	4 св.	послѣ обѣденной	послѣобѣденной
230	20 св.	узъ	удъ
235	2 св.	давать,	давать,
236	18 св.	вытаращить	ватаращить
—	18 св.	сынъ	сынъ
—	—	fattyu	fattyu
237	19 св.	csengetyii	csengetyü
238	17 »	люби	люба
242	21 св.	historieus	historiens
—	—	occidentaux,	occidentaux,
—	8 »	современниковъ?	современникомъ?
245	3 »	Миханха	Миханла
248	14 св.	хотя	но
249	4 св.	sue donazione	feces donazione
252	14 св.	Лингбардопуломъ	Лонгбардопуломъ